«Утверждаю»
Проректор-начальник Управления
научной политики
МГУ имени М.В.Ломоносова,
доктор физико-математических наук

А.А. Федянин

«10» июня 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» на диссертацию «Эволюция концепции коммерческих договоров в мусульманских странах: сравнительно-правовое исследование», выполненную Гутеневой Алисой Владимировной, и представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертационное исследование Гутеневой Алисы Владимировны посвящено актуальной, но одновременно методологически сложной проблематике эволюции концепции коммерческих договоров в мусульманских странах. Значимость заявленной темы определяется не только развитием доктрины коммерческого договора, но и изменением внешнеэкономических ориентиров Российской Федерации, расширением торгового и инвестиционного взаимодействия с государствами Ближнего Востока, а также появлением в российском праве экспериментального режима партнерского финансирования в соответствии с Федеральным законом от 04.08.2023 № 417-ФЗ. Однако соответствующий правовой режим охватывает собой лишь узкую часть исламского коммерческого права, а именно –

исламский банкинг. В этих условиях исследование исламских коммерческих договоров выходит за пределы сугубо сравнительно-правового интереса и приобретает прикладное значение для договорной, банковской, инвестиционной и внешнеторговой практики.

Вместе с тем сама постановка темы требует особенно аккуратного разграничения нескольких уровней анализа: шариата как религиозно-правовой системы, фикха как доктринальной интерпретации религиозных источников, муамалата как комплекса норм о договорах и деловых сделках, национального законодательства мусульманских государств, а также транснациональных регуляторов международного коммерческого оборота. Достоинство работы состоит в том, что автор стремится рассмотреть исламские договорные конструкции не как набор отдельных финансовых инструментов, а как проявление самостоятельной логики коммерческого договора, основанной на запрете риба, гарар, майсир, требованиях халяльности и принципе связи прибыли с реальной хозяйственной деятельностью. Однако именно широта избранного ракурса предопределяет необходимость повышенной строгости в понятийном аппарате и в обосновании используемых сравнительно-правовых аналогий.

Работа выполнена на пересечении частноправовой, сравнительно-правовой, религиозно-правовой и финансово-правовой проблематики. Диссертант анализирует не только вопросы исламского коммерческого права в узком смысле, но и более широкий процесс взаимодействия религиозных и светских регуляторов коммерческого оборота. Такой подход позволяет автору выйти к проблеме возможной адаптации отдельных исламских договорных конструкций в российском правопорядке, однако одновременно требует постоянного учета различий между собственно гражданско-правовой квалификацией договора и публично-правовыми ограничениями финансовой деятельности.

Отмеченные соображения позволяют поддержать концепцию диссертации А.В. Гутеневой, раскрытую в ее цели, задачах, положениях, выносимых на защиту, и в тексте работы.

Тема исследования («Эволюция концепции коммерческих договоров в мусульманских странах: сравнительно-правовое исследование») в полной мере соотносится с его целью – формирование нового научного знания об исламской концепции коммерческих договоров, о системе таких договоров в мусульманских странах с различными типами правовых систем, а также о потенциале применения этой концепции в российском правопорядке. Поставленные задачи способствуют последовательному достижению отмеченной цели, выстраивая исследование по принципу «от общего – к частному». По итогам проведенной работы заявленная цель достигнута, а необходимые для ее достижения задачи решены. Объект и предмет исследования определены корректно.

Теоретическую базу А.В. Гутенева выстраивает на пересечении двух традиций.

Российская линия восходит к учению о дуализме частного права Г.Ф. Шершеневича и П.П. Цитовича и получает развитие в концепции коммерческого договора как инструмента управления хозяйственными связями, сформулированной Б.И. Пугинским, а также в трудах Л.В. Андреевой, Е.А. Абросимовой, В.А. Белова и других представителей науки коммерческого права.

В свою очередь, исламская правовая традиция опирается на единство шариата как религиозно-правового регулятора общественных отношений. В рамках исламского права лишь выделяется условно обособленный комплекс норм, посвященных договорам и деловым сделкам – муамалат. Соответствующие особенности получили свое освещение в работах зарубежных исследователей исламского права и исламских финансов: С. аль-Гахтани, Ш. Маллата, М. Мансури, У. Халлака, М. С. Хана, Х. Хассана и др.

Диссертация А.В.Гутеневой отличается внутренним единством, последовательной структурой и выверенной логикой исследования.

Структура диссертации в целом соответствует поставленным цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы. Композиционно исследование выстроено по принципу движения от общетеоретических и историко-правовых предпосылок к анализу современных национальных моделей регулирования, а затем к оценке перспектив применения исламских коммерческих договоров в российском праве.

Во введении автор обосновывает актуальность темы, характеризует степень ее научной разработанности, определяет объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрывает методологическую, нормативную и эмпирическую базу работы, формулирует научную новизну, теоретическую и практическую значимость, а также положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации задает теоретическую рамку исследования. В первом параграфе автор обращается к религиозно-правовым основам хозяйственной деятельности в мусульманских странах, раскрывая соотношение шариата, фикха, муамалата, мазхабов, торгового обычая и методов религиозно-правовой интерпретации. Автор обоснованно исходит из того, что исламская правовая традиция не воспроизводит европейское деление права на публичное и частное, гражданское и торговое, а строится на единстве религиозного, нравственного и юридического регулирования. Вместе с тем при столь широкой характеристике исламской правовой системы особенно важно избегать чрезмерного обобщения, поскольку правовое значение шариата и фикха в современных мусульманских государствах существенно различается.

Содержательно значимым является обращение автора к системе запретов и дозволений, определяющих пределы коммерческой деятельности: запрету харамной деятельности, запрету риба, гарар и майсир, требованию

соответствия общим целям шариата, а также принципу корреляции прибыли, риска и ответственности за убытки. Именно через данные ограничения автор показывает, что исламские коммерческие договоры не являются простым аналогом светских договоров финансирования, купли-продажи, аренды или товарищества, а формируются как юридические конструкции, призванные обеспечить экономический результат без нарушения религиозно-правовых требований. Этот вывод является важным, поскольку позволяет объяснить специфику мурабаха, истисна, иджара, мушарака и мудараба не только через их экономическую функцию, но и через их нормативную религиозно-правовую природу.

Во втором параграфе первой главы исследуется эволюция исламского коммерческого права под влиянием международной коммерческой практики. Диссертант рассматривает исторические предпосылки взаимодействия мусульманских стран с европейскими торговыми правопорядками, рецепцию европейских торгово-правовых институтов, влияние lex mercatoria и последующую конвергенцию религиозных и светских регуляторов коммерческого оборота. Представляет научный интерес вывод о том, что вестернизация коммерческого законодательства мусульманских государств не устранила исламские правовые начала, а привела к их сочетанию с современными договорными формами. Вместе с тем остается неясным, где заканчивается историческое сравнение муамалата с lex mercatoria и начинается утверждение об их функциональной сопоставимости.

Вторая глава исследования посвящена сравнительно-правовому анализу правового значения шариата и системы коммерческих договоров в современных мусульманских странах. В первом параграфе автор предлагает типологию мусульманских правопорядков по критерию правового значения шариата, выделяя страны с (квази)западной моделью правовой системы и страны с фундаменталистской моделью. Данный подход позволяет уйти от упрощенного представления о едином «мусульманском праве» и показать неодинаковую степень влияния шариата на коммерческое законодательство.

Вместе с тем сама терминология «(квази)западная» и «фундаменталистская» модель требует осторожного применения и более точных юридических критериев, поскольку речь идет о сложных национальных правопорядках, в которых религиозные, светские, обычные и международные регуляторы нередко сосуществуют в неодинаковых пропорциях.

Во втором параграфе второй главы предложенная типология конкретизируется на примере Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии. Анализ правопорядка ОАЭ позволяет автору обосновать дуалистический характер системы коммерческих договоров, включающей светский и исламский правовые режимы. Исследование законодательства Саудовской Аравии, напротив, приводит диссертанта к выводу о монистической трехзвенной системе коммерческих договоров, формируемой под более значительным влиянием шариата. Данная часть работы представляет научный интерес, поскольку автор опирается на конкретные национальные модели, а не ограничивается общей характеристикой исламского права. Сравнительный анализ гражданского и торгового законодательства ОАЭ и Саудовской Аравии, относящихся к разным моделям, образует одну из наиболее сильных частей работы.

Третья глава диссертации имеет выраженную прикладную направленность и является одной из наиболее значимых частей исследования. В первом параграфе автор рассматривает возможности использования исламских коммерческих договоров в отечественном правопорядке, в том числе в контексте экспериментального правового режима партнерского финансирования. Особого внимания заслуживает попытка соотнести договоры мудараба, банковская мудараба, иджара, мурабаха и истисна с российскими конструкциями смешанных и непоименованных договоров. Вместе с тем данная часть исследования акцентирует внимание на совместимости с банковским, налоговым, валютным регулированием, а также регулированием в сфере противодействия незаконному отмыванию преступных средств и в сфере отношений с участием потребителей, поскольку

гражданско-правовой допустимости конструкции еще недостаточно для ее безопасного практического использования.

Во втором параграфе третьей главы рассматриваются электронные сделки и цифровизация коммерческого права в мусульманских странах, а также возможности применения соответствующего опыта в России. Авторская концепция смарт-сукук как исламской облигации в форме цифрового финансового актива является современной и доктринально значимой. Диссертант связывает данный инструмент с обязательной привязкой к реальному базовому активу, запретом риба, гарар и майсир, распределением доходов пропорционально долям в базовом активе и необходимостью подтверждения соответствия требованиям шариата. Следует обратить внимание, что данная часть исследования носит в большей степени прогностический характер, а потому нуждается в дополнительных правовых аргументах относительно юридического значения заключений шариатских советов и механизма их учета в российской системе источников договорного права.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в формировании сравнительно-правового представления о системе исламских коммерческих договоров с позиции российской доктрины коммерческого права.

К числу значимых результатов работы относится авторское определение исламского коммерческого договора как соглашения, опосредующего обмен товаров и услуг с целью извлечения прибыли, заключаемого и исполняемого в соответствии с системой религиозно-правовых запретов и дозволений шариата. В данном определении отражены коммерческая направленность соответствующих договоров и их религиозно-правовая специфика, однако дальнейшая разработка данной дефиниции потребовала бы более ясного разграничения исламского коммерческого договора, исламского финансового инструмента и обычного гражданско-правового договора, исполняемого с учетом религиозных предпочтений сторон.

Существенным научным результатом является вывод автора о модификации субъектного, целевого, предметного и функционального квалифицирующих признаков исламского коммерческого договора. Особое значение имеет указание на то, что исламские финансовые организации в силу запрета процента вынуждены участвовать в реальном товарообороте, а получение прибыли должно быть связано с принятием риска и участием в реальной хозяйственной деятельности. Такой подход позволяет отличить исламские коммерческие договоры от формально сходных договорных конструкций светского права. Вместе с тем вопрос о границе между допустимой коммерческой надбавкой и экономически эквивалентным процентным доходом остается наиболее чувствительным для всей концепции и требует повышенного внимания при практическом применении.

Важным результатом является также обоснование двух способов преодоления запрета безусловного дохода от капитала: через признание «коммерческой работы» реальной деятельностью и через использование организационных договоров с распределением прибыли между сторонами. На этой основе автор объясняет правовую природу мурабаха, истисна, мушарака и мудараба. Данный вывод имеет значение не только для исламского коммерческого права, но и для российской договорной доктрины, поскольку позволяет функционально сопоставить исламские конструкции с известными отечественному праву договорными моделями.

Значимым научным результатом исследования является предложенная диссертантом классификация мусульманских правопорядков по критерию правового значения шариата. Разграничение стран с (квази)западной и фундаменталистской моделями правовой системы позволяет автору обосновать различие дуалистического и монистического подходов к построению системы коммерческих договоров. Практическая значимость данной классификации состоит в том, что она может быть использована при правовом сопровождении трансграничных коммерческих сделок с контрагентами из мусульманских стран.

Высокую прикладную ценность имеют выводы диссертанта о возможности договорного структурирования исламских коммерческих договоров средствами российского гражданского права. Автор исходит из диспозитивности гражданско-правового регулирования и возможности заключения смешанных и непоименованных договоров. Такой подход в целом соответствует логике российского частного права. Вместе с тем он не снимает вопроса о том, может ли соответствующая договорная модель использоваться вне экспериментального режима партнерского финансирования, если по своей экономической сути она выполняет функцию банковского или инвестиционного продукта.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии отечественной доктрины коммерческого договора за счет включения в нее сравнительно-правового материала, связанного с исламскими правовыми институтами.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его выводов при правовом сопровождении сделок с контрагентами из мусульманских стран, разработке договорных моделей партнерского финансирования, а также в учебном процессе по предпринимательскому, коммерческому, гражданскому и зарубежному торговому праву. При этом практическая реализация предложений автора требует дальнейшей нормативной, регуляторной и судебной апробации.

Достоверность результатов исследования обеспечивается использованием общенаучных и специально-юридических методов, включая сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический и метод правового моделирования. Методология исследования релевантна поставленной цели и способствует наиболее полному решению всех поставленных задач. Диссертант опирается на диалектическую логику, рассматривая эволюцию исламских коммерческих договоров как закономерный процесс взаимодействия экономических, политических и религиозных факторов, позволяя выявить общее и особенное в концепциях коммерческого договора российского, мусульманских и светских европейских

правопорядков, в частности рецепции французского торгового законодательства в Османской империи и ее последствий для современных правопорядков ОАЭ и Саудовской Аравии.

Нормативная база работы охватывает российское законодательство, законодательство ОАЭ и Саудовской Аравии, а также источники, относящиеся к исламскому коммерческому праву и международной коммерческой практике.

Эмпирическая база, включающая материалы судебной и арбитражной практики, в отдельных частях диссертации представляет собой концептуально-доктринальное моделирование, в то время как правоприменительный материал по большей части используется иллюстративно. В качестве несомненного достоинства диссертации можно отметить то, что автор обращается к первоисточникам исламской правовой доктрины – к текстам фикха в их толковании муджтахидами различных мазхабов. Введение этого пласта источников в оборот российской науки коммерческого права является значимым научным результатом, поскольку фикх определяет действительное содержание шариатских ограничений и пределы их гибкости в коммерческом обороте.

Вместе с тем, как и всякое квалификационное научное исследование, диссертационная работа А.В. Гутеневой не лишена ряда недостатков и дискуссионных положений, среди которых следует отметить следующие.

1. В названии диссертации, ее отдельных глав и параграфов, в сформулированных целях и задачах исследования во введении, в основной части работы и заключении используется термин «мусульманские страны», однако диссертант не определяет это понятие должным образом для уточнения предмета исследования.

Так, при обосновании актуальности во введении в тексте встречаются словосочетания «мусульманские страны Персидского залива», «арабские страны», перечисляются примеры «мусульманских стран» (ОАЭ, Саудовская

Аравия и Иран) (с. 3-4), но не раскрывается понятие «мусульманская страна» и не предлагаются его квалифицирующие критерии. В свою очередь, при описании предмета исследования, описании научной новизны во введении, в названиях второй главы и ее первого параграфа диссертант использует только термин «мусульманские правопорядки» (с. 8), не указывая его соотношение с термином «мусульманские страны» (который используется в положениях, выносимых на защиту, в той же второй главе в названии второго параграфа и многих др. фрагментах).

Данная понятийная неопределенность заметно проявляется в некоторых частях работы. В начале первого параграфа второй главы автор предлагает «субстантивным критерием» для выделения «мусульманских правопорядков» признание ислама в качестве государственной религии (чаще всего – в нормах светских конституций) – т.е., по сути, клерикализм (с. 62). Не совсем ясно, является ли это определение в начале первого параграфа второй главы общим для всей диссертационной работы (в том случае, если автор отождествляет «мусульманские страны» и «мусульманские правопорядки») или частным для целей конкретного параграфа и (или) главы. Более того, в конце первого параграфа второй главы автор для квалификации уже «всех мусульманских стран» использует другой критерий – «шариата как конституционно-правовой основы всей правовой системы» (с. 75). Признание ислама в качестве государственной религии и шариат как конституционно-правовая основа правовой системы – это не самоочевидно тождественные критерии, особенно для юридических классификаций. В связи с этим остается неопределенным предмет исследования в той степени, в которой автор решил формулировать его не столько рамками понятия «исламское право», сколько терминами «мусульманская страна» или «мусульманский правопорядок». Например, новая Конституция Туниса 2022 г. явно провозглашает Тунис частью «исламской нации» и обозначает цели ислама как цели функционирования государства (ст. 5), однако не содержит никаких норм об исламе как источнике права или (законодательства) или как базовом принципе построения правовой

системы: можно ли в таком случае квалифицировать Тунис в качестве «мусульманской страны» или «мусульманского правопорядка» в контексте выводов диссертационной работы?

2. В названии диссертации, в сформулированных автором цели и задачах исследования во введении упоминается «концепция коммерческих договоров в мусульманских странах», «исламская концепция коммерческих договоров» (с. 8-9): по сути, именно вокруг такого рода «концепции» выстроена цель диссертации. В положениях, выносимых на защиту, диссертант формулирует элементы концепции в первых двух положениях (прежде всего в положении № 1).

В тексте работы диссертант сначала отмечает, что муамалат (определяемый автором как «условно обособленный комплекс норм шариата о договорах и деловых сделках» (с. 13)) «ближе всего расположен к европейскому торговому праву» (с. 32). Однако сразу после этого, описывая содержание муамалата исключительно через общие положения о договорах (со ссылкой на статью S. Shah и A. Rashid (2015)), автор уточняет, что «исламское торговое право более корректно именовать исламским правом договоров и деловых сделок» (с. 32). По всей видимости, это уточнение является логичным продолжением более раннего замечания автора о том, что «торговое право (или коммерческое право) не вполне корректный термин для обозначения того комплекса институтов и правовых концепций, которые сформировались в рамках шариата применительно к хозяйственной сфере общественной жизни» (с. 28).

Автор также указывает на «смешение различных сфер регулирования в рамках единого поля шариата», подчеркивает, что «система дозволений и запретов в исламском праве носит универсальный характер и распространяется на все сферы общественной жизни» и отсылает к известной работе M. Mansoori (2004) для описания принципов коммерческих операций (с. 32-33). При этом сам M. Mansoori определяет «mu'amalat» в соотношении с

«ibadat» максимально широко – как правила социального взаимодействия индивидов, правила любых «сделок» между ними («transactions», «civil transactions»). Именно с таким подходом перекликается вывод, который диссертант делает далее в работе: «Система запретов и дозволений, сформированная в шариате, одинаково применима как к потребителям, заключающим бытовые сделки, так и к профессиональным предпринимателям, осуществляющим между собой коммерческие операции. Именно это единство шариата как системы права является отличительной особенностью исламской теории торгового договора» (с. 42).

В связи с этим хотелось бы поставить перед автором два близких вопроса: 1) почему, признавая универсальный характер муамалата, не сводимый только к коммерческим (предпринимательским) отношениям, автор считает необходимым именовать его «исламским lex mercatoria» во втором положении, выносимом на защиту (с. 13); 2) считает ли автор возможным построить целостную «концепцию коммерческих договоров в мусульманских странах», основанную, по сути, на универсальных элементах муамалата (судя по положениям № 1 и № 2), – не превращается ли она тогда скорее в теорию исламских договоров (или возмездных имущественных обязательств) в целом (за исключением табарруат (пожертвований) и т.п.)? Эти вопросы представляются актуальными и в свете того, что в диссертации не критически упоминается (на с. 32, 53) уже классическая (для светской юридической науки) статья H. Hassan (2002), однако в этой статье H. Hassan скептически относится к возможности построения общей исламской теории договора и считает этот путь методологически некорректным ввиду навязывания исламскому праву светских теоретических моделей из западных правовых парадигм.

3. Диссертант предлагает в рамках российского договорного права структурировать исламские конструкции «мурабаха» и «истисна» (т.е., по сути, создавать их светские аналоги) двумя последовательными договорами, последним из которых и для мурабахи, и для истисны является договор

уступки права требования к третьему лицу (поставщику, подрядчику и т.д.), заключаемый между лицом, предоставившим финансирование (исламской финансовой организацией и др.), и покупателем, заказчиком (лицом, нуждающемся в финансировании). При этом, с точки зрения автора, в случае с мурабахой договор уступки – вариант, альтернативный договору купли-продажи, для истисны – безальтернативный. Эта позиция отражена как в тексте диссертации (с. 160-161) так и в заключении (с. 193) и в «предложениях по совершенствованию правоприменительной практики» (в части истисны – предложение № 5, с. 20).

Хотелось бы уточнить у диссертанта, насколько точно использование договора уступки права требования вместо договора купли-продажи товара (причем безальтернативно для истисны) – отражает смысл исламских конструкций, принципиально предполагающих вовлечение инвестора (лица, предоставляющего финансирование) в хозяйственную деятельность с обременением его соответствующими рисками?

Например, можно обратиться к стандартам Организации бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (AAOIFI), к которой в 2024 году присоединился Банк России, подписав меморандум о взаимопонимании. Так, ключевые нормы раздела 3 стандарта AAOIFI № 8 о мурабахе (SS (8) Murabahah) посвящены строгому требованию о наличии у «института» (т.е. лица, предоставляющего финансирование) и титула на товар, и фактического обладания товаром до его продажи покупателю-заказчику (см. п. 3.1.1, 3.2.1 и др.). Очевидно, что такое требование исключает возможность использования уступки права. Аналогичным образом стандарт AAOIFI № 11 об истисне (SS (11) Istisnaa and Parallel Istisnaa), во-первых, определяет параллельную истисну (т.е. истисну в виде двух договоров, о которой и сделаны искомые выводы в диссертации) исключительно в терминах договоров подряда и поставки (см. Appendix (C)), во-вторых, запрещает лицу, предоставляющему финансирование, выступать финансовым посредником между покупателем-заказчиком и третьим лицом (поставщиком, подрядчиком) (см. п. 2.1.3), в-

третьих, требует от лица, предоставляющего финансирование, принятия рисков владения (тех. обслуживания и др.) товаром до его передачи конечному покупателю-заказчику (п. 7.3, хотя формально сам договор с покупателем-заказчиком может заключаться до появления у «института» фактического владения, см. п. 6.7) и, наконец, устанавливает принцип независимости двух договоров в параллельной истисне (отсутствия какой-либо юридической связи между ними, см. п. 7.1, 7.4). 4. Следует отметить и некоторые дискуссионные вопросы в рамках проведенной диссертантом работы с доктринальными источниками.

Во-первых, спорным и явно нуждающимся в пояснении является утверждение диссертанта о том, что П.П. Цитович «полагал ситуацию дуализма частного права ошибочной» (с. 29). Между тем П.П. Цитовича российская правовая доктрина весьма часто и, по всей видимости, не без оснований относит к ярким сторонникам именно дуализма частного права. Очевидно, что ни характеристика П.П. Цитовичем торгового права в качестве «специального гражданского права», ни его утверждения о взаимном обмене между гражданским и торговым правом – сами по себе не превращают П.П. Цитовича в сторонника монизма (иначе сложно было бы помыслить появление, например, его знаковой статьи «К вопросу о слиянии торгового права с гражданским»).

Во-вторых, автор, к сожалению, при подготовке диссертации не использовал работы к.ф.н., доц. А.Т. Амирова по исламскому договорному праву в рецензируемых журналах 2019 -2024 года (в том числе в журналах из категории 1 и 2 Перечня рецензируемых научных изданий ВАК). Представляется, что эти научные результаты могли быть полезными для поставленной цели исследования и обогатить его – в части формирования общих научных положений, понятия о принципах (основных началах) исламского договорного права и выработки научного знания об отдельных исламских договорных конструкциях.

Необходимо отметить, что высказанные замечания и поставленные вопросы носят дискуссионный характер и не снижают общей положительной оценки диссертационного исследования. Содержащиеся в работе выводы обладают теоретической и практической значимостью, а сама диссертация может быть охарактеризована как самостоятельное, завершенное научное исследование, выполненное по научной специальности 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки. Результаты исследования получили необходимую апробацию: отражены в научных публикациях, включая статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, а также представлены автором в докладах на научных и научно-практических мероприятиях.

Таким образом, диссертация Гутеневой Алисы Владимировны на тему: «Эволюция концепции коммерческих договоров в мусульманских странах: сравнительно-правовое исследование» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям действующим Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Отзыв подготовлен кандидатом юридических наук, доцентом кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» Долганиным Александром Александровичем и кандидатом юридических наук, доцентом кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» Семенкиной Ниной Асифовной.

Отзыв ведущей организации обсужден и одобрен на заседании кафедры коммерческого права и основ правоведения Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» (протокол № 9 от «19» мая 2026).

Заведующий кафедрой
коммерческого права и основ правоведения
юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова
доктор юридических наук, профессор Абросимова Е.А.

Заместитель декана по научной работе
юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова
доктор юридических наук, профессор Козлова Н.В.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ПОДПИСЬ Абросимовой Е.А.
Козловой Н.В.
УДОСТОВЕРЯЮ Макарева Д.В.
«___»_____20___г.

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Почтовый адрес:119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д.1.

Тел.: +7(495)939-10-00 E-mail:info@rector.msu.ru; Web-сайт: www.msu.ru